

К. М. ОБЕРУЧЕВЪ.

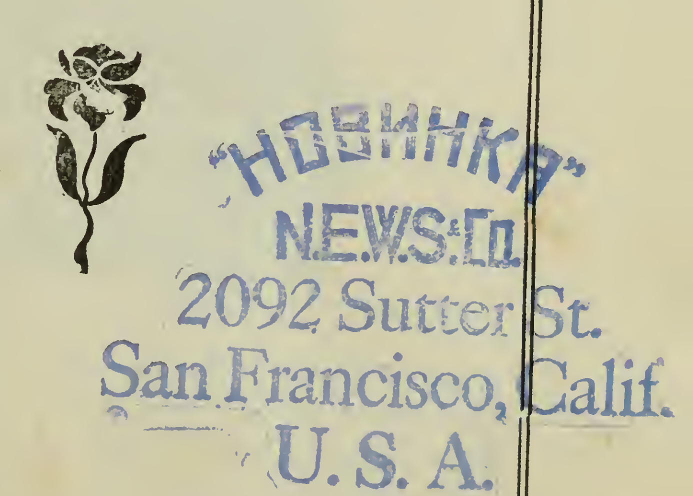
Офицеры въ Русской Революціи.

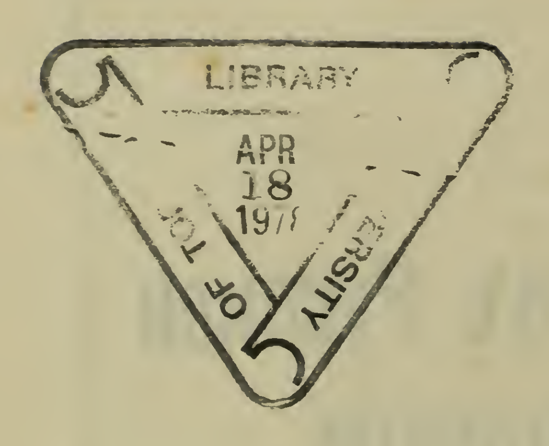
К. М. ОБЕРУЧЕВЪ.

Офицеры въ Русской Революціи.

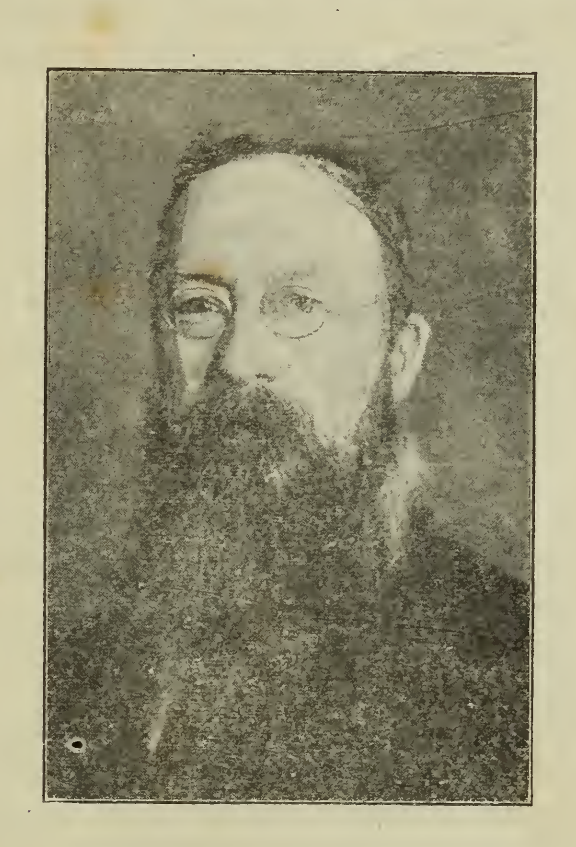

Изданіе
„Перваго Русскаго Издательства въ Америкѣ".

Printed in Germany.

LIBRARY
APR
18
197
OF TO
ERSITY

Генералъ-Маіоръ
Константинъ Михайловичъ Оберучевъ.

Генералъ-маіоръ Константинъ Михайловичъ Оберучевъ, недавно снова пріѣхавшій въ Америку, является выдающимся и широко извѣстнымъ въ Россіи общественнымъ дѣятелемъ, почтенное имя котораго должно быть занесено на почетныя страницы Русской Революціи.

Еще въ бытность свою въ Артиллерійской Академіи, гдѣ К. М. проходилъ курсъ высшихъ военныхъ наукъ,

онъ принадлежалъ къ военно-революціонной организаціи „Народная Воля". Арестованный впослѣдствіи по дѣлу этой организаціи, онъ былъ высланъ въ Туркестанъ, съ оставленіемъ на службѣ. Служа во время революціи 1905 года въ Кіевѣ, К. М. имѣлъ столкновеніе съ командовавшимъ тогда войсками Кіевскаго военнаго округа ген. Сухомлиновымъ (впослѣдствіи военнымъ министромъ, уличеннымъ въ измѣнѣ), уѣхалъ обратно въ Туркестанъ, гдѣ и вышелъ въ отставку.

Въ 1909 году К. М. привлекался по дѣлу военной организаціи соціалистовъ-революціонеровъ и былъ судимъ военнымъ судомъ, но оправданъ. Въ 1913 году онъ былъ вновь арестованъ и сосланъ въ Олонецкую губернію на три года, но ссылка была замѣнена ему высылкой заграницу. Послѣ этого К. М. жилъ въ Швейцаріи и Америкѣ, гдѣ проявилъ много энергіи и труда въ дѣлѣ оказанія помощи русскимъ военно-плѣннымъ.

Незадолго до Великой Революціи, срокъ высылки К. М. окончился. Онъ вернулся въ Россію, гдѣ немедленно по пріѣздѣ въ Кіевъ былъ арестованъ и затѣмъ освобожденъ революціоннымъ народомъ. Послѣ этого онъ былъ избранъ въ Исполнительный Комитетъ и назначенъ Военнымъ Комиссаромъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, по представленію ген. Брусилова и по выбору Совѣта Военныхъ Депутатовъ, К. М. былъ избранъ на отвѣтственный и высокій постъ Командующаго Войсками Кіевскаго Военнаго Округа. Въ концѣ сентября, вслѣдствіе разногласія съ украинцами въ вопросѣ о національной арміи, К. М. добился увольненія отъ должности и уѣхалъ въ Петроградъ. Здѣсь онъ былъ избранъ Совѣтомъ Крестьянскихъ Депутатовъ представителемъ Россіи на международную конференцію объ обмѣнѣ плѣнными и уѣхалъ въ Скандинавію, гдѣ его и засталъ болшевистскій переворотъ. Живя въ Скандинавіи, К. М. на-

писалъ свои весьма обстоятельныя и цѣнныя воспоминанія о революціи.

К. М. Обручевъ является однимъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ русскихъ дѣятелей, находящихся сейчасъ въ Америкѣ, чьимъ безупречно-достойнымъ именемъ русскіе люди въ Амеркѣ могутъ гордиться. Онъ дѣятельно выступаетъ въ разныхъ городахъ на митингахъ съ рѣчами о Россіи и о Русской Революціи.

Офицеры въ русской революціи.

Какъ то странно въ настоящее время, когда всѣ русскіе офицеры объявлены „контръ-революціонерами", когда ихъ, какъ таковыхъ, сотнями избивали натравленные противъ нихъ злопамѣренными людьми солдаты, когда русскіе офицеры испивали до дна чашу человѣческаго неистовства только потому, что они были офицеры,—какъ-то странно говорить объ офицерахъ въ революціи. А между тѣмъ, именно теперь необходимо говорить объ этомъ и показать, что каковъ бы ни былъ по составу нашъ корпусъ офицеровъ, онъ принесъ и трудъ, и жертвы на дѣло революціи, на дѣло освобожденія Россіи отъ гнета произвола, а отдѣльные представители его, рядомъ съ отдѣльными представителями интеллигенціи и рабочихъ, вели ту борьбу, которая называется революціонной борьбой, и которая велась во имя интересовъ трудящихся массъ. И когда настали дни свободы, когда всѣ такъ радостно восприняли вѣсть о паденіи царскаго самодержавія, русскіе офицеры въ массѣ своей были въ числѣ радовавшихся.

Съ первыхъ дней революціи мнѣ пришлось войти въ самое тѣсное общеніе съ арміей и ея офицерами. Въ первые дни я былъ избранъ Кіевскимъ Исполнительнымъ Комитетомъ Военнымъ Комиссаромъ, и, въ качествѣ таковаго, я входилъ въ постоянное соприкосновеніе какъ съ солдатами, такъ и офицерами, и могъ бы заполнить цѣлыя страницы воспоминаніями о томъ, какъ откликнулись русскіе офицеры на вѣсть о народной свободѣ, завоеван-

ной, наконецъ, послѣ вѣковыхъ усилій русскихъ революціонеровъ всѣхъ классовъ и всякихъ положеній.

Я не буду утомлять этими воспоминаніями вниманіе читателей, но отъ одного эпизода я не могу отказаться, чтобы не привести его, какъ характерный для переживаемаго момента.

Я говорю о моей встрѣчѣ съ генераломъ Брусиловымъ въ первые дни революціи, въ половинѣ марта.

Кіевскій Исполнительный Комитетъ въ самомъ началѣ революціи рѣшилъ командировать меня, Военнаго Комиссара, и нѣкоторыхъ своихъ членовъ на Юго-Западный фронтъ для привѣтствованія войскъ отъ лица революціонной власти.

Делегація была большая. Члены Исполнительнаго Комитета, члены совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, члены Государственной Думы, пріѣхавшіе изъ Петрограда, — всѣ ѣхали въ одномъ вагонѣ.

Поѣздъ нашъ подходилъ къ перрону послѣдней станціи, гдѣ мы должны были высадиться, чтобы отправиться въ ставку Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта, генерала Брусилова.

Но что значитъ эта толпа, что стоитъ на перронѣ? Почему развѣваются красные знамена въ такомъ огромном количествѣ?

Мы останавливаемся. Вагонъ нашъ противъ вокзала. На перронѣ, окруженный публикой и солдатами, стоитъ Брусиловъ со своимъ штабомъ.

Это генералъ Брусиловъ устроилъ торжественную встрѣчу пріѣхавшимъ делегатамъ. Онъ обратился къ намъ съ привѣтомъ, въ отвѣтъ на который всѣ члены делегаціи по очереди произнесли короткія привѣтствія. Кругомъ толпа, — на перронѣ, на крышѣ вокзала, на крышах вагоновъ привезшаго насъ поѣзда. Всѣ слушаютъ внимательно, и громко и восторженно отвѣчаютъ на привѣтствія

Тутъ же на перронѣ члены Исполнительнаго Комитета губернскаго города, члены Исполнительнаго Комитета рабочихъ депутатовъ, представители политическихъ партій, всѣ со своими знаменами, съ привычными надписями, характеризующими партійность, и всѣ они со словами привѣта восторженно принимаютъ нашу смѣшанную по составу, но общую по чувствамъ и настроеніямъ въ данный моментъ, делегацію.

Послѣ долгаго обмѣна привѣтствіями мы вышли на подъѣздъ вокзала, и тамъ насъ ожидали выстроенные ряды войскъ гарнизона. Оркестръ заигралъ марсельезу, послѣ чего опять полились рѣчи и привѣтствія, обращенныя къ гарнизону, къ воинамъ, стоящимъ на стражѣ страны и свободы.

Я пропущу дальнѣйшія картины нашей жизни въ ставкѣ и закончу бесѣдой, или, вѣрнѣе, исповѣдью Брусилова передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, когда мы остались съ нимъ съ глазу на глазъ.

Безъ намека съ моей стороны, по собственному почину, онъ началъ со мной откровенную бесѣду.

„Я монархистъ,—сказалъ онъ, — по своему воспитанію, по своимъ симпатіямъ, и такимъ я выросъ и былъ всю жизнь. Я былъ близокъ къ царской семьѣ и связанъ съ ней прочно. Но то, что я наблюдалъ въ послѣднее время, то что внесло такой ужасъ въ нашу жизнь и нашу армію (онъ указалъ здѣсь на Распутина, на его близость къ царской семьѣ и управленію страной),—убѣдило меня, что дальше такъ жить нельзя. Перемѣна должна была произойти, и я привѣтствую всѣмъ сердцемъ эту перемѣну".

Тутъ онъ остановился и немного призадумался.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ продолжалъ такъ же отчетливо и тѣмъ же спокойнымъ тономъ, какимъ велъ всю бесѣду.

„Какъ монархистъ, я задумался надъ вопросомъ: что

дальше? Мнѣ прежде всего показалось наиболѣе пригодной для Россіи формой правленія конституціонная монархія, и я началъ вспоминать всѣхъ возможныхъ кандидатовъ дома Романовыхъ. (Онъ перечислилъ мнѣ всѣхъ ихъ, давъ мѣткія характеристики). И я пришелъ къ заключенію, что въ числѣ ближайшихъ кандидатовъ изъ этой семьи нѣтъ достойнаго, которому можно было бы спокойно ввѣрить судьбы Россіи. А если нѣтъ таковыхъ въ извѣстной мнѣ старой царской семьѣ, то какая надобность избирать монарха изъ другой семьи? Не проще ли и не правильнѣе ли выбирать правителя на короткій срокъ, президента, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ замѣнить его другимъ? И я сталъ республиканцемъ".

Мнѣ понравилась эта прямота сужденій стараго, много прожившаго уже генерала, вѣрой и правдой служившаго старому режиму, но такъ просто и ясно съумѣвшаго опредѣлить свое отношеніе къ переживаемому моменту.

Мы попрощались съ этимъ новымъ республиканцемъ, повидимому, совершенно искренно порвавшимъ со старымъ, и, напутствуемый его добрымъ словомъ, я уѣхалъ назадъ въ Кіевъ.

Таково было господствующее настроеніе въ то время среди офицеровъ, не менѣе всѣхъ остальныхъ слоевъ населенія радовавшихся происшедшей перемѣнѣ.

Я не хотѣлъ продолжать своихъ воспоминаній о встрѣчахъ съ офицерами въ пору мартовской революціи. Но чтобы у читателей не осталось представленія, что я идеализирую офицерство, я считаю себя вынужденнымъ привести и другой случай изъ первыхъ дней революціи.

Мнѣ, какъ военному комиссару, пришлось посѣтить, вскорѣ послѣ революціи, кіевскую военную гауптвахту для объявленія сидѣвшимъ тамъ офицерамъ и солдатамъ о скоромъ освобожденіи многихъ изъ нихъ.

Во время этого посѣщенія гауптвахты, мнѣ при-

шлось встрѣтиться съ первымъ „политическимъ арестованнымъ новаго строя".

Когда я пришелъ на гауптвахту, товарищи по былому заключенію (я сидѣлъ съ ними въ ожиданіи рѣшенной уже административной высылки въ Восточную Сибирь и былъ освобожденъ послѣ революціи) говорятъ мнѣ:

— У насъ есть здѣсь политическій.

— Гдѣ онъ? — спрашиваю я.

Мнѣ показываютъ камеру. Оттуда выходитъ юноша - офицеръ.

Прямой, открытый взглядъ его сразу располагаетъ въ его пользу.

— Вы почему здѣсь? — спрашиваю я его.

— Меня посадилъ командиръ полка.

— За что?

— Командиръ полка поставилъ намъ, офицерамъ, вопросъ объ отношеніи нашемъ къ перевороту и потребовалъ. чтобы мы дали письменныя об'ясненія. Я подалъ рапортъ о томъ, что я отношусь къ перевороту отрицательно и что стою за Николая II. Онъ приказалъ меня арестовать и отправить сюда, — объяснилъ мнѣ юноша.

Это былъ офицеръ перваго польскаго полка, формировавшагося тогда въ Кіевѣ. Меня нѣсколько удивило такое отношеніе его, поляка,къ бывшему царю. Но открытый взглядъ, прямая, простая, безъ рисовки и афектаціи рѣчь, заставили меня внимательнѣе отнестись къ нему.

— Итакъ, вы любите Николая II? — спрашиваю я его.

— Да, и хочу видѣть его на престолѣ.

— И вы будете стараться возстановить его на престолѣ?

— Да. Непремѣнно!

— Какъ же вы думаете это дѣлать?

— Если я только узнаю, что гдѣ-нибудь имѣется заговоръ въ пользу его, я немедленно примкну, — отвѣчалъ онъ безъ заминки.

— А если нигдѣ не будетъ, то сами вы будете стараться составить такой заговоръ?

Юноша задумался.

— Да, — отвѣтилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Ну, видите, мы находимъ, что возстановленіе Николая на престолѣ было бы вредно для нашей родины и народа, а потому, я не могу отпустить васъ. Вамъ надо немного посидѣть, — сказалъ я ему и вышелъ, горячо пожавъ его честную руку. Я хотѣлъ расцѣловать его за такой прямой отвѣтъ, опасный для него въ наше тревожное время. Но удержался.

Через нѣсколько дней говорятъ мнѣ, что офицеръ хочетъ меня видѣть.

Я пошелъ къ нему.

Опять старый разговоръ:

— Вы любите Николая II?

— Да.

— И вы будете стараться возстановить его на престолѣ?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, потупивъ взоръ, и черезъ нѣсколько секундъ прибавилъ: — Я считаю это дѣло безнадежнымъ.

— Въ такомъ случаѣ вы намъ не опасны. Идите, вы свободны. И я немедленно отдалъ распоряженіе объ его освобожденіи.

Однако, командиръ полка не принялъ его, и заставилъ перевестись въ другой полкъ. Уже черезъ нѣсколько дней, во время одной изъ поѣздокъ на фронтъ, я встрѣтилъ его на перронѣ одной изъ станцій. Онъ ѣхалъ на фронтъ въ новую часть.

Гдѣ-то теперь этотъ милый и честный юноша, который не постѣснялся представителю революціонной власти въ первые же дни революціи сказать о своей приверженности къ только что свергнутому монарху, сказать въ такое время, когда большинство стремилось не только скрыть эти свои чувства, а напротивъ манифестировать совсѣмъ другія и манифестировать такъ усердно, какъ будто они никогда не были монархистами?

Такова была одна изъ памятныхъ встрѣчъ съ „политическимъ".

Я привелъ ее для того, чтобы показать, что были сторонники Николая и монархіи въ то время, но сами они, немногіе, чувствовали свое безсиліе, и не страшны были они для дѣла революціи.

А главная же масса русскаго офицерства, какъ и весь народъ, въ то свѣтлое радостное время, когда передъ нами раскрылась вся красота новой жизни, вся она была несомнѣнно на сторонѣ революціи и жаждала укрѣпленія и упроченія въ жизни началъ свободы, вмѣсто царившаго до тѣхъ поръ произвола.

И, несмотря на это, все офицерство было взято подъ подозрѣніе и объявлено „контръ-революціоннымъ". Происходило это не всегда вслѣдствіе злой воли тѣхъ, кто хотѣлъ свести съ офицерами счеты, но чаще вслѣдствіе полнаго незнанія исторіи и происходящаго вслѣдствіе этого предубѣжденія.

Мнѣ, какъ военному комиссару, не разъ приходилось въ бесѣдахъ съ солдатами разъяснять ошибочность ихъ предубѣжденія противъ офицеровъ, и въ то счастливое время, давно уже прошедшее, удавалось путемъ простой бесѣды предупреждать крупныя осложненія между солдатами и офицерами на почвѣ такого повальнаго заподазриванія.

А оно было дѣйствительно повальнымъ.

Между тѣмъ, если прослѣдить за исторіей русскаго революціоннаго движенія за истекшее столѣтіе, не трудно замѣтить, что русскіе офицеры принимали въ ней дѣятельное участіе, не меньшее, чѣмъ остальные слои русскаго населенія, и во всякомъ случаѣ, считая въ процентномъ отношеніи, отнюдь не меньшее, а значительно большее, чѣмъ солдаты.

Начнемъ съ возстанія декабристовъ.

Названіе это, какъ извѣстно, дано возстанію потому, что оно было поднято 14 декабря 1825 года, послѣ смерти Александра I, именно въ то время, когда выяснялся вопросъ, кто долженъ вступить на престолъ: старшій после Александра братъ его Константинъ, отказавшійся отъ престола, или слѣдующій за нимъ, Николай.

Возстаніе это подготавливалось долго. Еще со времени Отечественной войны и вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, послѣ отступленія Наполеона I, русскіе офицеры, и, главнымъ образомъ, гвардейцы, представители и члены родовитыхъ аристократическихъ фамилій, воспріяли идеи французской революціи и прониклись вложенными въ нее началами свободы, равенства и братства. Они-то и начали создавать тайныя организаціи съ цѣлью установить революціоннымъ путемъ иной порядокъ управленія, обезпечивавшій лучшее управленіе страной. Въ политическомъ смыслѣ были здѣсь, среди офицеровъ, участниковъ этихъ тайныхъ обществъ, два теченія: одно — съ полковникомъ Муравьевымъ и княземъ Трубецкимъ во главѣ, стоявшее за конституціонную монархію, другое — южное, съ полковникомъ Пестелемъ во главѣ, республиканское.

Освободительное движеніе среди офицеровъ того времени, начала девятнадцатаго вѣка, было столь велико, и толки о немъ такъ безпокоили начальство, что гр. Бенкендорфомъ было предложено организовать въ войскахъ,

особенно въ частяхъ гвардіи, спеціальные кадры шпіоновъ, долженствовавшихъ, служа въ войскахъ, вступать въ эти тайныя общества и слѣдить за всѣми движеніями и за образомъ мыслей офицеровъ.

Повидимому, не много народа откликнулось на этотъ призывъ, ибо Бенкендорфу, представляющему проектъ шпіонской организаціи въ войскахъ и проектъ ея штатовъ на утвержденіе императору Александру I, пришлось жалованіе офицерамъ и солдатамъ-шпіонамъ повысить до неслыханной въ то время суммы, что невольно заставило Александра задать вопросъ, чѣмъ объясняется такое чрезмѣрное увеличеніе жалованія, на что Бенкендорфъ отвѣтилъ просто и ясно:

„Чтобы заставить хорошо служить этихъ мерзавцевъ, надо имъ хорошо платить".

Ясно, что среди офицерства не находилось достаточнаго количества мерзавцевъ, соглашавшихся идти на предательство своихъ товарищей.

Но, конечно, таковые были, и послѣ попытки декабрьскаго возстанія и подавленія таковаго силами офицеровъ и солдатъ, вѣрныхъ престолу, были раскрыты нити и связи этого заговора.

Кто же былъ во главѣ этой революціонной попытки свергнуть царское правительство нѣсколько менѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ?

Во главѣ его стояли офицеры и только офицеры.

Это они привели на дворцовую площадь солдатъ, тѣхъ солдатъ, которые знали всѣ ужасы крѣпостного права; это они подняли знамя возстанія во имя общаго блага народа. Это они заплатили за неудачную попытку свергнуть царское правительство — кто жизнью, кто свободой. Пять человѣкъ было казнено. Это были офицеры: полковникъ Пестель, подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, подпоручики Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій и поэтъ, от-

ставной офицеръ, Рылѣевъ. Болѣе сотни офицеровъ были отправлены на каторжныя работы въ Сибирскіе рудники, а также разсажены по крѣпостямъ или отправлены солдатами на кавказскій фронтъ. И между ними были и старые, и молодые и поручики и генералы, и князья и графы, и всѣ они шли на борьбу съ царскимъ самодержавіемъ не во имя своихъ личныхъ интересовъ, — имъ, въ общепринятомъ смыслѣ, хорошо жилось, — а во имя понятыхъ и осознанныхъ ими интересовъ трудового народа.

Все царствованіе Николая I, послѣ декабрьскаго возстанія, было посвящено борьбѣ съ крамолой, главнымъ образомъ, въ арміи. И когда процессъ декабристовъ былъ законченъ, то уже послѣ этого то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ были постоянные аресты и высылки того или иного изъ вновь открытыхъ соучастниковъ возстанія. Вспомнимъ, хотя бы, высылки братьевъ Раевскихъ послѣ процесса.

Разгромъ послѣ 14 декабря и ударъ по революціи задержалъ на нѣкоторое время развитіе революціонныхъ идей въ Россіи. Но, конечно, совершенно прекратить такового даже терроръ николаевскихъ дней не могъ.

Середина его царствованія, или, точнѣе, вторая половина его, совпала съ проникновеніемъ въ Россію идей утопическаго соціализма, идей Сенъ-Симона и Фурье, которыми такъ увлекались тогда на Западѣ, особенно въ Бельгіи, нынѣ разгромленной германцами, а тогда, сто лѣтъ тому назадъ, бывшей, такъ сказать, колыбелью утопическаго соціализма, или, вѣрнѣе, воспріемницей его, ибо родились-то эти идеи не въ Бельгіи; онѣ были принесены туда въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія и восприняты были со всѣмъ энтузіазмомъ этого двуединаго бельгійскаго народа (пылких Валлонцев, с одной стороны, и нѣсколько болѣе уравновѣшенныхъ и расчетливыхъ Фламандцевъ, съ другой).

Около этого времени, нѣсколько позже, новыя идеи проникли и въ Россію, и здѣсь въ кружкахъ молодежи обсуждались вопросы о новомъ устройствѣ народной жизни, основанномъ на широкомъ проведеніи въ жизнь началъ общины, коммуны.

Одинъ изъ такихъ кружковъ, именно кружокъ Петрашевскаго, былъ, благодаря предательству одного изъ членовъ, открытъ, и члены его арестованы, судимы и сосланы на каторгу и на поселеніе, а кое-кто разжалованъ въ рядовые и сосланъ все на тотъ же Кавказъ.

И среди этихъ революціонныхъ мечтателей мы встрѣчаемъ офицеровъ, и они составляли тамъ, пожалуй, даже преобладающее число.

Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ знаменитому впослѣдствіи русскому писателю, а въ то время подпоручику, Ѳедору Михайловичу Достоевскому, проведшему четыре года на каторгѣ, послѣ чего онъ подарилъ русской литературѣ свои „Записки изъ мертваго дома". Его братъ, тоже офицеръ, принималъ участіе въ работахъ этого кружка.

Вспомнимъ еще имена: гвардіи штабсъ-капитана Львова, поручика Момбели, и не будемъ утруждать вниманія читателя дальнѣйшимъ перечисленіямъ именъ офицеровъ, тѣмъ болѣе, что я взялся писать не исторію революціоннаго движенія въ Россіи, а лишь краткій очеркъ, показывающій, что офицерамъ далеко не была чужда революція, и что они во всѣ періоды революціонной борьбы тоже были въ рядахъ борющихся.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ періодамъ русскаго революціоннаго движенія и освѣтить участіе въ нихъ русскихъ офицеровъ, я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на нѣкоторыхъ офицерахъ-одиночкахъ, вступившихъ въ ряды революціонеровъ еще до сконструированія партій и группъ.

Вотъ передъ нами вѣчно мятущійся, полный революціоннаго порыва и готовый къ революціонному дѣйствію поручикъ артиллеріи Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

Онъ рано подошелъ къ революціи и вся его жизнь связана съ революціей. И гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы судьба его не заносила, онъ былъ вѣчно въ движеніи и съ постояннымъ призывомъ къ борьбѣ съ насиліемъ и противъ таковаго. Ему, конечно, скоро пришлось оставить военную службу, и въ вѣчномъ скитаніи нести проповѣдь анархизма, боевого, горячаго анархизма, разрушающаго современный строй во имя лучшаго будущаго.

А вотъ полковникъ артиллеріи Петръ Лавровичъ Лавровъ. Его знаменитыя „Историческія письма", напечатанныя въ концѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, имѣли огромное значеніе для выясненія интеллигентной молодежи ея обязанности принести себя въ жертву для дѣла народа. Его политическое міросозерцаніе и близость къ революціоннымъ дѣятелямъ того времени повели за собой ссылку въ Вологодскую губернію, откуда, при помощи извѣстнаго революціонера-шлиссельбуржца Германа Александровича Лопатина, онъ былъ освобожденъ, чтобы уѣхать въ Швейцарію и Парижъ и оттуда потомъ руководить работой „Народной Воли". Его мысли, его идеи въ значительной части своей были положены въ основу программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, хотя ему не пришлось дожить до момента организаціи этого теченія соціалистической мысли, какъ партіи. И этотъ человѣкъ, значеніе котораго въ русскомъ революціонномъ движеніи огромно, былъ профессоромъ Михайловской артиллерійской академіи, полковникомъ русской артиллеріи царскаго режима.

Вспомнимъ еще одного революціонера. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ одинъ изъ участниковъ организовавшагося тогда общества „Земля и Воля" (первое), Ми-

хаилъ Илларіоновичъ Михайловъ, задумалъ выпустить прокламацію „Къ молоду поколѣнію" съ приглашеніемъ интеллигенціи принять участіе въ революціонной борьбѣ за свободу народа. Кто же былъ его помощникомъ по печатанію этого перваго воззванія? Поручикъ генеральнаго штаба Обручевъ. Это онъ помогъ напечатать воззваніе. Это онъ потомъ развозилъ его по квартирамъ адресатовъ, которымъ оно было направлено Михайловымъ. И онъ же, вмѣстѣ съ Михайловымъ, поплатился за это годами каторги и ссылки.

А полковникъ Соколовъ и другіе офицеры-революціонеры, которые вынуждены были оставить не только службу, но и родину за свои политическія убѣжденія въ пору безвременья?

Отмѣтимъ участіе русскихъ офицеровъ въ движеніи въ пору освобожденія крестьянъ. Какъ много ихъ идейно рѣшило снять свои военные мундиры для того, чтобы, въ роли отставныхъ, заняться строительствомъ новой народной жизни послѣ освобожденія крестьянъ. Это не были революціонеры въ истинномъ значеніи этого слова, но ихъ работа имѣетъ огромное политическое значеніе, и ихъ протесты противъ насилій и неправды, совершавшихся въ то время на почвѣ освобожденія крестьянъ, не могутъ не быть отмѣченными, они имѣли большое общественное значеніе въ смыслѣ укрѣпленія освободительныхъ началъ въ извѣстныхъ кругахъ. Среди ряда именъ этихъ протестантовъ, отставныхъ офицеровъ, мы встрѣчаемъ и имя брата М. А. Бакунина.

Я подошелъ къ тому моменту, когда русская интеллигенція рѣшила платить свой долгъ народу и двинулась въ народъ. Это относится къ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ Россіи зародились кружки учащейся молодежи, въ которыхъ обсуждались вопросы народной жиз-

ни и ея возможнаго улучшенія. Идеи соціализма проникли тогда въ широкія массы молодежи, и она рѣшила, что стоитъ только подойти къ народу съ простымъ словомъ и объяснить всю правду новой жизни, то народъ, — русскій крестьянинъ и рабочій, — всей своей предшествующей жизнью пріученый понимать всю неправоту современныхъ условій жизни, встанетъ на ихъ сторону и примется совмѣстно за строительство новой жизни на началахъ соціализма. И много интеллигентной молодежи, и не исключительно самой юной, оставило свои занятія и двинулось „въ народъ" съ проповѣдью соціализма. Эти лучшіе представители россійской интеллигенціи и буржуазныхъ классовъ пошли не просто въ качествѣ пропагандистовъ и агитаторовъ. Нѣтъ, они оставили свои привычныя занятія, перемѣнили образъ жизни, ставши простыми рабочими, и принялись за новый трудъ, войдя въ народную жизнь въ качествѣ простыхъ рабочихъ, городскихъ или сельскихъ. Они разбрелись по деревнямъ и мѣстечкамъ, идя, какъ вѣрили они, навстрѣчу назрѣвшей народной нуждѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сознаніемъ необходимости „заплатить долгъ народу", какъ звалъ полковникъ Петръ Лавровичъ Лавровъ въ своихъ „Историческихъ письмахъ".

И среди этихъ самоотверженныхъ и преданныхъ интересамъ народа юношей и зрѣлыхъ мужей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ офицеръ, эсаулъ сибирскаго казачьяго войска князь Петръ Александровичъ Кропоткинъ.

Бывшій пажъ царя, воспитанникъ пажескаго корпуса, членъ аристократической фамиліи, передъ которымъ раскрывалась блестящая, въ обычномъ понимаціи этого слова, карьера, онъ отказался воспользоваться своимъ правомъ пойти на службу въ царскую гвардію, а рѣшилъ уйти далеко въ Сибирь, въ казачье войско для болѣе

простой, не столь блестящей службы, а главное для научныхъ изслѣдованій новыхъ странъ, для путешествія и географическихъ экскурсій. Но разъ ставъ на такой путь отказа отъ карьеры, Кропоткинъ не могъ остановиться: какъ чуткая натура, вошелъ въ ряды кающихся дворянъ и примкнулъ къ начавшемуся въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія движенію въ народъ.

Само собою, что за этимъ послѣдовали обычные въ такихъ случаяхъ результаты: арестъ, тюрьма, Петропавловская крѣпость, всегда гостепріимно открывавшая свои двери. Къ счастью, при помощи друзей съ воли, ему удалось бѣжать и скрыться отъ полиціи сначала въ Петербургѣ, а потомъ заграницей.

Его мятущаяся душа, конечно, не успокоилась заграницей, и онъ много думалъ о народной долѣ и работалъ въ направленіи улучшенія условій его жизни. Онъ сталъ виднымъ теоретикомъ научнаго анархизма, испыталъ сладость и заграничныхъ тюремъ, былъ высланъ из Швейцаріи съ воспрещеніемъ возвращаться туда. Человѣкъ твердаго характера и непоколебимыхъ принциповъ, онъ былъ чуждъ всякихъ компромиссовъ. Для подтвержденія этого, я позволю себѣ привести только два факта изъ его жизни.

Царское правительство, правительство Николая II, рѣшило предоставить Кропоткину право возвратиться на родину, въ порядкѣ частичной, его одного касавшейся, амнистіи. Какъ ни стремился онъ на родину, какъ ни хотѣлъ онъ быть тамъ, но онъ удержался отъ искушенія и отказался отъ предоставленнаго ему права, заявивъ, что онъ не можетъ воспользоваться имъ, пока такое же право не будетъ распространено и на всѣхъ остальныхъ политическихъ эмигрантовъ въ порядкѣ общей массовой амнистіи. И только послѣ мартовской революціи, когда Временнымъ Правительствомъ была объявлена самая

широкая амнистія, только тогда онъ разрѣшилъ себѣ воспользоваться амнистіей и возвратиться на родину въ свѣтлые дни свободы.

Я видѣлъ его въ то время въ Петроградѣ, стараго годами, нѣсколько ослабленнаго болѣзнями, но бодраго и полнаго вѣры въ торжество свободы и торжество права на землѣ. Его молодые глаза такъ много говорили о его глубокой вѣрѣ въ лучшее будущее русскаго народа и демократіи вообще.

Второй случай.

Долгое время Кропоткинъ жилъ подъ Лондономъ. Климатъ былъ не полезенъ для него, и ему было бы очень желательно и полезно переѣхать въ страну съ болѣе мягкимъ климатомъ, напр., въ Швейцарію. Городское управленіе Швейцарскаго города Лугано возбудило передъ швейцарскимъ федеральнымъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи Кропоткину возвратиться въ этотъ городъ, откуда онъ былъ много лѣтъ тому назадъ изгнанъ. Швейцарское правительство въ принципѣ ничего не имѣло противъ его возвращенія, но оно стало на формальную точку зрѣнія: т. к. такія разрѣшенія даются только по ходатайству самихъ заинтересованныхъ лицъ, а т. к. отъ Кропоткина такого ходатайства не поступало, то и разрѣшенія ему дано быть не можетъ. И несмотря на то, что Кропоткинъ очень нуждался въ перемѣнѣ мѣста жительства и климатъ Лугано былъ для него кладъ, а разрѣшеніе жить тамъ было обезпечено ему, разъ онъ подастъ просьбу, онъ отказался отъ подачи таковой и остался въ Лондонѣ. Это было въ началѣ войны. войны.

Старый революціонеръ-офицеръ, вѣрный своимъ принципамъ, дождался осуществленія своихъ еще юношескихъ мечтаній и на склонѣ лѣтъ пріѣхалъ въ свободную, наконецъ, Россію для того, чтобы принять тамъ участіе въ строительствѣ новой свободной родины. Но налетѣлъ

вихрь, свобода оказалась попранной тѣми, кто такъ много говоритъ о народной свободѣ, а вѣрный принципамъ свободы Кропоткинъ зачисленъ въ ряды контръ-революціонеровъ и враговъ народа, за свободу и счастье котораго онъ боролся всю свою жизнь.

Таковъ одинъ изъ стаи славныхъ.

Но онъ не одинъ былъ въ рядахъ выступившихъ на путь революціонной борьбы семидесятниковъ. Были тамъ еще многіе.

Вотъ, передъ нами два друга, два школьныхъ товарища, — поручики артиллеріи Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ и Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій.

Оба они вмѣстѣ пошли въ народъ въ качествѣ рабочихъ-дровосѣковъ съ цѣлями пропаганды. Недолго, конечно, имъ удалось свободно дѣлать свое дѣло. Имъ пришлось скрыться. Рогачевъ былъ арестованъ и, вмѣстѣ съ другими товарищами, судимъ, въ процессѣ 193 и осужденъ на каторгу, гдѣ, на Карѣ, и сложилъ свою голову. Кравчинскій же избѣжалъ ареста, успѣлъ скрыться и въ то время, когда его товарищей судили (процессъ 193-хъ), онъ велъ съ ними переписку и дѣлалъ попытки помочь кое-кому бѣжать, напр., Феликсу Волховскому. Одновременно съ этимъ, онъ участвуетъ въ организаціи на развалинахъ разбитаго полиціей народничества партіи „Земля и Воля", членомъ учредителемъ которой онъ и былъ. Въ это время уже начинались случайные единичные акты террора, какъ акты отмщенія за несправедливый и слишкомъ жестокій приговоръ по дѣлу 193, а также за плохое обращеніе съ политическими заключенными. Кравчинскій принимаетъ участіе въ одномъ изъ первыхъ актовъ и кинжаломъ смертельно ранитъ бывшаго тогда шефомъ жандармовъ генерала Мезенцева. Товарищемъ его по этому дѣлу былъ другой офицеръ, членъ „Земли и Воли", подпоручикъ Баранниковъ, третій участникъ, не

офицеръ, — (извѣстный революціонеръ Адріанъ Михайловъ).

Любопытная деталь. Когда подготовлялся этотъ революціонный актъ, Кравчинскій былъ сторонникомъ, и настоялъ на своемъ, чтобы этому акту былъ приданъ характеръ открытаго нападенія. Такъ, именно, и былъ онъ совершенъ.

Въ пролеткѣ, управляемой Адріаномъ Михайловымъ, Кравчинскому удалось скрыться, но онъ не хотѣлъ уѣзжать заграницу и только послѣ настояній товарищей, онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Само собою разумѣется, что когда народилась „Народная Воля", поручикъ Кравчинскій былъ въ рядахъ ея. Онъ умеръ случайно въ 1893 году раздавленный поѣздомъ въ окрестностяхъ Лондона.

Онъ писалъ и былъ извѣстенъ под псевдонимомъ „Степнякъ".

А кому изъ россіянъ, хоть сколько-нибудь интересовавшихся общественными движеніями въ Россіи, не извѣстно имя поручика артиллеріи Сергѣя Эммануиловича Шишко?

Выступивъ на революціонное поприще еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ числѣ двинувшихся въ народъ интеллигентовъ, онъ не оставляетъ революціонной дѣятельности, и впослѣдствіи мы видимъ его въ рядахъ „Земли и Воли", затѣмъ „Народной Воли" и, наконец, въ качествѣ одного изъ основоположниковъ и дѣятельныхъ членовъ партіи „Соціалистовъ - Революціонеровъ".

Умеръ Шишко изгнанникомъ въ Парижѣ, не дождавшись осуществленія тѣхъ идей, которымъ онъ служилъ много лѣтъ, не уклоняясь и не измѣняя революціонному дѣлу. И останки его лежатъ погребенными въ Парижѣ на Монпарнасскомъ кладбищѣ, недалеко отъ останковъ П. Л. Лаврова, погребеннаго тамъ же.

Я не буду перечислять всѣхъ офицеровъ, принимав-

шихъ участіе въ революціонной работѣ русскихъ народниковъ. Это завлекло бы меня слишкомъ далеко въ біографическія подробности жизни и дѣятельности многихъ и многихъ революціонныхъ работниковъ-офицеровъ, начавшихъ свою дѣятельность въ то время, но проявившихъ себя значительно позже, во времена „Народной Воли". Скажу только, что въ этомъ движеніи, въ этотъ короткій періодъ революціоннаго идеализма, по преимуществу, очень много среди революціонеровъ было офицеровъ или недавно кончившихъ школу юнкеровъ военныхъ училищъ, кандидатовъ въ офицеры, съ которыми въ послѣднее время такъ нагло боролись, какъ съ контръ-революціонерами, и боролись вовсе не потому, что они были въ дѣйствительности контръ-революціонерами, а потому, что таковыми ихъ называли, какъ кандидатовъ въ офицеры.

Движеніе въ народъ закончилось большимъ разгромомъ организаціи и созданіемъ большого процесса. Этотъ процессъ показалъ, что нельзя расчитывать только на мирныя средства, а необходимо рядомъ съ революціонной агитаціей и пропагандой соціализма вести борьбу съ правительствомъ, наказывать слишкомъ уже зарвавшихся агентовъ царской власти, не знавшихъ удержу. Съ этой цѣлью было организовано общество „Земля и Воля", которое рядомъ съ пропагандой соціализма, подходило къ вопросу о борьбѣ съ властью. Правда, центръ тяжести работы этой революціонной организаціи все еще лежалъ въ пропагандѣ соціализма, а не въ политической борьбѣ.

Постоянныя преслѣдованія самыхъ мирныхъ пропагандистовъ все болѣе и болѣе выясняли революціонерамъ „Землевольцамъ" необходимость измѣнить тактику и перейти къ систематической борьбѣ съ правительственной властью путемъ постояннаго, систематическаго террора. Настроеніе въ пользу расширенія террористической борь-

бы росло, и, наконецъ, рѣшено было собраться на партійный съѣздъ для обсужденія и выработки программы дѣятельности.

Въ 1879 году уже назрѣлъ этотъ вопросъ и намѣченъ былъ съѣздъ въ Воронежѣ,на которомъ должны были быть рѣшены вопросы программы и тактики общества „Земля и Воля". Предстояла схватка между горячими сторонниками немедленной политической борьбы, широкаго развитія террора, и сторонниками мирной пропаганды идей соціализма, подготовки народа къ будущему воспріятію соціализма не только въ теоріи, но и въ дѣйствительной жизни.

Сторонники террора рѣшили явиться на этотъ съѣздъ, назначенный на конецъ іюня, подготовленными и организованными, и они созвали съѣздъ въ г. Липецкѣ. Тамбовской губерніи. На этомъ съѣздѣ было рѣшено организовать, какъ изъ сторонниковъ террора изъ партіи „Земли и Воли", такъ и др. организацій, партію для политической борьбы. И съ готовымъ рѣшеніемъ пріѣхали они на Воронежскій съѣздъ.

Въ числѣ пятнадцати участниковъ Липецкаго съѣзда были и офицеры. Изъ ихъ числа я упомяну подпоручика Баранникова, о которомъ уже говорилъ нѣсколько выше, говоря объ убійствѣ Мезенцева Кравчинскимъ.

На Воронежскомъ съѣздѣ, послѣ горячихъ преній, группа „Земля и Воля" раскололась, и изъ нея выдѣлилось большинство, рѣшившее организовать общество „Народная Воля", ближайшую цѣль котораго объяснилъ въ рѣчи еще на Липецкомъ съѣздѣ одинъ изъ видныхъ революціонныхъ работниковъ Желябовъ: ближайшей цѣлью было „Учредительное Собраніе" на основахъ „Народной Воли".

Только незначительная часть членовъ Воронежскаго съѣзда была противъ программы и тактики „Народной

Воли", т. е. противъ перехода къ системѣ организованнаго террора, и главнымъ образомъ центральнаго террора. Одинъ изъ видныхъ членовъ съѣзда, Георгій Валентиновичъ Плехановъ, покинулъ съѣздъ, какъ несогласный съ принятымъ направленіемъ, — систематическимъ центральнымъ терроромъ. Онъ вмѣстѣ съ другими, несогласными на терроръ революціонерами, организовалъ другую партію „Черный Передѣлъ", группу народниковъ пропагандистовъ, продолжавшихъ дѣло „Земли и Воли".

Такъ организовалась партія „Народной Воли", ведшая съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ борьбу за политическое освобожденіе народа.

Вступивъ на путь политической борьбы, партія „Народной Воли" не могла, конечно, ограничиться только террористическими актами. Она готовилась къ массовому выступленію революціоннаго народа и, для облегченія таковаго, считала необходимымъ вести пропаганду въ арміи. Вотъ почему въ рядахъ этой партіи зародилась особая военная организація, въ задачи которой входило, главнымъ образомъ, пропаганда и агитація среди офицерства.

И русское офицерство очень горячо откликнулось на призывъ народовольцевъ. Въ разныхъ полкахъ, въ разныхъ гарнизонахъ, организовались кружки и группы офицеровъ съ исключительной цѣлью вести революціонную пропаганду и организаціонную работу среди офицерства и отчасти среди солдатъ. По всей Россіи тысячи офицеровъ были привлечены къ этой работѣ. Часть изъ нихъ принимала участіе только въ военно-революціонныхъ организаціяхъ, многіе же входили въ Исполнительный Комитетъ и были въ рядахъ, руководвшихъ работой органовъ. Вспомнимъ имена цѣлаго ряда морскихъ офицеровъ: лейтенантовъ Серебрякова, Буцевича, барона Штромберга, Суханова и др. Всѣ они еще кадетами мор-

ского корпуса примкнули къ революціонному движенію съ тѣмъ, чтобы потомъ никогда не выпускать изъ своихъ рукъ знамя революціи. Они были горячими работниками „Народной Воли". Различна судьба этихъ людей. Если Эсперу Серебрякову удалось уйти заграницу и во время спастись отъ ареста и осужденія и затѣмъ, послѣ долгой работы заграницей въ революціонныхъ организаціяхъ, возвратиться въ дни дѣйствительной свободы домой, на родину, чтобы въ настоящее время быть, конечно, зачисленнымъ въ ряды контръ-революціонеровъ, то остальные не были такъ счастливы.

Буцевичъ, осужденный въ каторжныя работы, былъ помѣщенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ отъ чахотки въ 1885 году. Для характеристики его мнѣ не нужно тратить много словъ. Достаточно привести только нѣсколько словъ его собственныхъ, записанныхъ въ протоколѣ показаній: „Я готовъ былъ служить государю и служилъ ему до тѣхъ поръ, пока его интересы не расходились съ интересами народа, служить которому я всегда считалъ своимъ первымъ и прямымъ долгомъ; когда же я увидѣлъ и убѣдился, что интересы царя и народа разошлись, я счелъ себя обязаннымъ перейти на сторону послѣдняго".

Лейтенантъ Штромбергъ былъ арестованъ въ связи съ процессомъ 1881 года объ убійствѣ императора Александра II и сосланъ въ административномъ порядкѣ въ Восточную Сибирь, откуда послѣ провала военно-революціонной организаціи былъ возвращенъ для привлеченія къ суду. Его судили военно-окружнымъ судомъ и приговорили къ смертной казни. Онъ былъ повѣшенъ въ оградѣ Шлиссельбургской крѣпости вмѣстѣ съ другимъ осужденнымъ по одному съ нимъ процессу, поручикомъ артиллеріи Николаемъ Михайловичемъ Рогачевымъ. Оба они совершенно спокойно встрѣтили свою смерть, какъ

разсказывалъ мнѣ одинъ изъ шлиссельбургскихъ жандармовъ, когда я послѣ революціи 1905 года навѣщалъ опустѣвшія камеры шлиссельбургскаго застѣнка.

Четвертый упомянутый мною морякъ, Лейтенантъ Сухановъ, былъ однимъ изъ виднѣйшихъ работниковъ партіи „Народной Воли". Онъ былъ въ самомъ центрѣ, въ Исполнительномъ Комитетѣ, и въ 1882 году, приговоренный къ смертной казни, былъ разстрѣлянъ въ Кронштадтѣ. О томъ, какъ спокойно и стойко встрѣтилъ онъ смерть, мнѣ повѣствовалъ тотъ же шлиссельбургскій жандармъ, участвовавшій въ приведеніи приговора въ исполненіе.

Я упомянулъ имя поручика артиллеріи Николая Михайловича Рогачева, казненнаго вмѣстѣ съ лейтенантомъ Штромбергомъ. Это былъ братъ того артиллериста Дмитрія Рогачева, который, за участіе въ народническомъ процессѣ осужденный на каторгу въ 1878 году, умеръ на каторгѣ. Николай Рогачевъ былъ участникомъ и членомъ военно - революціонной организаціи партіи „Народной Воли" и, какъ таковой, послѣ выдачи военно-революціонной организаціи членомъ ея, оказавшимся шпіономъ и предателемъ, — къ сожалѣнію, штабсъ-капитаномъ артиллеріи, — Сергѣемъ Дегаевымъ, былъ судимъ и осужденъ.

Послѣ провала военно-революціонной организаціи въ 1883 году, начались повальные аресты среди офицеровъ, исчислявшіеся нѣсколькими сотнями. Къ суду было привлечено незначительное число офицеровъ, но остальные были разосланы по разнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ Россіи и Сибири въ административномъ порядкѣ.

Изъ судившихся, двое было повѣшено, Штромбергъ и Рогачевъ, часть же отправлена въ заточеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. Изъ послѣднихъ упомяну подпол

ковника Ашенбренера. штабсъ-капитана артиллеріи Похитонова, подпоручика Тихановича. Послѣдній много способствовалъ побѣгу изъ Кіевской тюрьмы цѣлаго ряда политическихъ и кончилъ дни свои въ шлиссельбургской крѣпости, вскорѣ послѣ помѣщенія туда.

Штабсъ-капитанъ Похитоновъ, кажется товарищъ Дегаева по артиллерійскому училищу, успѣлъ окончить Михайловскую артиллерійскую академію и, въ служебномъ смыслѣ, ему улыбалась карьера. Но онъ промѣнялъ ее на долю россійскаго революціонера и, будучи членомъ военной организаціи партіи „Народной Воли", подходилъ ближе къ партійному центру, когда таковой былъ разгромленъ послѣ 1 марта 1881 г. Не долго, однако, пришлось ему поработать. Предательство Дегаева поставило его передъ военнымъ судомъ. А тамъ—смертный приговоръ, ожиданіе казни, замѣна ея каторгой и отправленіе на заточеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. А заточеніе тамъ было полное. Когда, послѣ суда, его отправили въ Шлиссельбургъ, отецъ его, артиллерійскій генералъ, начальникъ артиллеріи округа, занимавшій видный постъ, обратился съ просьбой дать ему свиданіе, ему цинично сказалъ шефъ жандармовъ:

„Забудьте, что у васъ былъ сынъ. Его уже больше нѣтъ. Имѣется только арестантъ за номеромъ, и всякія сношенія съ нимъ воспрещены".

И, дѣйствительно, первыя десять лѣтъ нельзя было не только видаться съ заточенными родственниками, но имъ нельзя было писать писемъ, ни получать отъ нихъ таковыя. Таково было заточеніе. Только въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія шлиссельбуржцамъ разрѣшили писать письма роднымъ два раза... въ годъ.

Не выдержали нервы бѣднаго Похитонова такой изоляціи (да не только его одного), и онъ дошелъ до психическаго разстройства. Нѣсколько лѣтъ оставался

онъ въ своей камерѣ психически больнымъ и только въ 1903 году его перевели въ петербургскую больницу, и тамъ онъ и умеръ жертвой царскаго произвола.

Что касается подполковника Ашенбреннера, то немолодымъ человѣкомъ вошелъ онъ въ ряды революціонеровъ. Онъ былъ товарищемъ Куропаткина по училищу и совершилъ вмѣстѣ съ нимъ рядъ туркестанскихъ походовъ. Но несмотря на свои немолодые годы, онъ, будучи уже командиромъ баталіона въ Николаевѣ, вошелъ въ военно-революціонный кружокъ своего полка и затѣмъ сталъ дѣятельнымъ членомъ не только въ своемъ кружкѣ, но и во всей военно-революціонной организаціи партіи „Народной Воли"; въ качествѣ разъѣзднаго агента онъ странствовалъ по Россіи для ознакомленія съ дѣятельностью военно-революціонной организаціи, для привлеченія членовъ въ нее и объединенія общей работы для приданія ей большей планомѣрности. И въ качествѣ такого члена, онъ и былъ арестованъ, судимъ и приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена пожизненнымъ заточеніемъ въ Шлиссельбургѣ.

Только революція 1905 года вывела его и другихъ, немногихъ, оставшихся въ живыхъ товарищей по заключенію; и мнѣ потомъ, въ 1907 году, пришлось встрѣтиться съ нимъ въ Смоленскѣ, гдѣ онъ, старикъ уже, жилъ на покоѣ въ семьѣ своего брата послѣ всего пережитаго.

Я не знаю, въ какихъ рядахъ стоитъ теперь этотъ вѣрный стражъ народной воли. Думаю, что онъ зачисленъ въ ряды контръ-революціонеровъ, какъ это сдѣлано почти со всѣми, кто жизнью своею доказалъ свою любовь къ родному народу и все время боролся противъ произвола и насилія, откуда бы они ни исходили, кто-бы изъ правителей ни злоупотреблялъ своимъ правомъ сильнаго.

Нужно ли перечислять сотни именъ офицеровъ, арестованныхъ въ связи съ предательствомъ Дегаева и

выдачей всей военно-революціонной организаціи партіи „Народной Воли"? Упомяну лишь первыя, пришедшія въ голову. Капитанъ Крайскій, штабсъ-капитанъ Степуринъ, покончившій съ собою въ домѣ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, подпоручикъ Папинъ, прапорщикъ Фоминъ, старый революціонный работникъ, принимавшій участіе въ попыткѣ освобожденія Войнаральскаго, осужденнаго на каторгу по процессу 193-хъ, и многіе другіе.

Говоря объ участіи офицеровъ въ революціонномъ движеніи и ликвидаціи военно-революціонной организаціи, нельзя не упомянуть объ одномъ проессѣ, имѣвшемъ мѣсто почти въ то же время. Я говорю о польской революціонной организаціи „Пролетаріатъ", которая въ это время вступала въ сношенія съ „Народной Волей" для солидарныхъ дѣйствій.

Въ рядахъ этой группы, работавшей въ польской рабочей средѣ, мы встрѣчаемъ военнаго инженера капитана Люри. Когда эта группа была открыта жандармами, капитанъ Люри, вмѣстѣ съ другими членами организаціи, судился военно-окружнымъ судомъ и былъ приговоренъ къ смерти, замѣненной для него каторжными работами, которыя онъ отбывалъ на Карѣ. Затѣмъ онъ былъ на поселеніи, откуда былъ освобожденъ только послѣ амнистіи 1905 г.; затѣмъ служилъ на Сибирской желѣзной дорогѣ. Въ какихъ „контръ-революціонныхъ" спискахъ состоитъ теперь этотъ офицеръ, не знаю.

Я указалъ выше на массовые аресты среди офицеровъ, произведенные вслѣдствіе предательства Сергѣя Дегаева. Этимъ была ликвидирована большая и сильная военно-революціонная организація партіи „Народной Воли". Но живой духъ трудно умертвить. Кое кто изъ членовъ ея уцѣлѣлъ, а молодые всходы военной молодежи тѣхъ самыхъ военныхъ училищъ, которыя съ такимъ садическимъ наслажденіемъ разбивались въ октябрѣ

минувшаго года дѣятелями октябрьской революціи, дали достаточный запасъ офицеровъ, примкнувшихъ къ революціи. И военно-революціонная организація возродилась. Но въ 1887 году послѣдовали новые аресты, и эта революціонная молодежь была осуждена и разослана по разнымъ мѣстамъ.

Вспоминаю съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ поручика лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, Бруевича, ничего общаго не имѣвшаго съ тѣмъ Бончъ-Бруевичемъ, который теперь, вмѣстѣ съ такъ называемыми народными комиссарами, терзаетъ Россію и насилуетъ народную волю. Этотъ поручикъ былъ душой организаціи возродившейся послѣ разгрома первой.

Назову еще нѣкоторыхъ участниковъ. Мичманъ Николай Шелгуновъ, сынъ извѣстнаго писателя Николая Васильевича Шелгунова, офицера корпуса лѣсничихъ во времена Николая I, достаточно претерпѣвшаго въ свое время за неосторожныя политическія убѣжденія. Мичманъ Николай Черневскій, проведшій около десятка лѣтъ солдатомъ въ Туркестанѣ, а затѣмъ вступившій въ жизнь и горячо работавшій тамъ въ 1905 году. Во время Великой революціи, еще при Временномъ Правительствѣ, имя его упоминалось въ связи съ мятежнымъ выступленіемъ въ Ташкентѣ при попыткѣ возстанія противъ власти Временнаго Правительства въ іюлѣ минувшаго года. Я очень хорошо зналъ этого честнаго и глубоко преданнаго дѣлу революціи и интересамъ народа офицера и мнѣ рѣшительно непонятно то ослѣпленіе, которое овладѣло имъ въ тѣ дни. Во всякомъ случаѣ, я не сомнѣваюсь, что имъ руководили лучшіе порывы.

Подпоручикъ саперныхъ войскъ Аксентовичъ и подпоручикъ пѣхоты Мауеръ, вышедшій изъ инженернаго училища не въ инженерныя войска, гдѣ служба легче, а въ пѣхоту, исключительно для того, чтобы быть въ боль-

шомъ городѣ, Кіевѣ, и вести революціонную работу среди наиболѣе отсталаго, но и наиболѣе многочисленнаго офицерства — пѣхоты. Оба они отправлены были солдатами въ Туркестанъ, и тамъ мнѣ случилось съ ними встрѣтиться. Оба они горячо работали въ пору первой революціи, въ 1905 году.

Много офицеровъ было привлечено къ этому процессу 1887 года; судимы были не всѣ, всего десятка три, а остальные разосланы въ административномъ порядкѣ.

Вторая военно-революціонная организація была разбита. На смѣну ей должна была прійти новая.

Едва успѣли отправить въ далекія страны осужденныхъ и высланныхъ офицеровъ, какъ въ Петроградѣ началась организаціонная работа среди офицерства и юнкеровъ съ цѣлью возсозданія военно-революціонной организаціи. Но недолго просуществовала создавшаяся группа: члены и участники ея были арестованы и безъ суда и слѣдствія разосланы по мѣстамъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ.

Это была послѣдняя попытка созданія военно-революціонной организаціи партіи „Народной Воли". Сама партія цѣлымъ рядомъ процессовъ была разстроена и фактически перестала существовать. А вмѣстѣ съ тѣмъ перестала существовать и военно-революціонная организація.

Тѣмъ временемъ, пока выдѣлившаяся на Воронежскомъ съѣздѣ группа „Народная Воля" вела свою титаническую борьбу съ самодержавіемъ, группа „Чернаго Передѣла" тоже не дремала. Главные участники ея, — Плехановъ, Дейчъ, П. Аксельродъ,—остановились надъ вопросами программы и тактики и постепенно, путемъ долгаго размышленія и изученія вопроса, примкнули къ тому теченію соціалистической мысли, которое имѣетъ своимъ основоположникомъ Карла Маркса и носитъ на-

званіе соціалъ-демократическаго; и постепенно ими была организована партія соціалъ-демократическая. Самъ родоначальникъ этого теченія въ Россіи, Георгій Валентиновичъ Плехановъ, поскольку мнѣ не измѣняетъ память, если и не былъ офицеромъ, то все-таки окончилъ Константиновское военное училище. Объ этомъ мнѣ говорилъ его товарищъ по училищу, отецъ дѣйствующаго нынѣ большевика, Леонидъ Тимофеевичъ Пятаковъ.

Въ рядахъ соціалъ-демократовъ мы тоже встрѣчаемъ офицеровъ, хотя и меньше, чѣмъ въ рядахъ другихъ революціонныхъ теченій.

Разгромленная партія „Народной Воли" перестала существовать, но это не значитъ, что то теченіе, которое считало необходимымъ вести упорную борьбу для завоеванія политическихъ правъ народу, заглохло. Въ годы россійскаго безвременья ковалось новое направленіе, унаслѣдовавшее традиціи „Народной Воли", и въ 1902 году создалась партія „Соціалистовъ-революціонеровъ",

Первое время въ рядахъ этой партіи русскіе офицеры принимали участіе, можно сказать, случайное. Провалы военно-революіонныхъ организацій „Народной Воли" возможно нѣсколько задержали возстановленіе такихъ организацій, и ко времени революціи 1905 года, въ сущности, спеціально военно-революціонныхъ организацій не было. Но это не значитъ, что въ рядахъ арміи не было лицъ, близкихъ къ революціонному движенію. Вотъ почему, когда революція совершилась, такъ легко было наладить военныя организаціи. Въ это время создались военно-революціонныя организаціи въ обѣихъ партіяхъ — и у соціалъ-демократовъ, и соціалъ-революціонеровъ. Долженъ отмѣтить, однако, что, пожалуй, не будетъ большой ошибки сказать, что проникая въ нѣдры арміи, соціалисты-революціонеры, главнымъ образомъ, вели работу среди офицеровъ, а соціалъ-демократы сре-

ди солдатъ. Это совершенно не значитъ, что первые игнорировали солдатъ, а вторые офицеровъ. Нѣтъ, обѣ партіи работали, пропагандировали и агитировали въ обѣихъ военныхъ группахъ и вербовали членовъ. И часто въ одной организаціи мы видѣли работающихъ рядомъ офицеровъ и солдатъ.

Кромѣ партійныхъ военныхъ группировокъ, были попытки безпартійныхъ офицерскихъ объединеній, схожденія офицеровъ революціонно-настроенныхъ, но считавшихъ несвоевременнымъ въ интересахъ общей свободы раздѣляться на мелкія группы и фракціи. И я помню, что въ 1905 году въ Петербургѣ создалось такое офицерское общество содѣйствія революціи, но стоявшее внѣ партійныхъ группировокъ.

Если не ошибаюсь, именно изъ нѣдръ этого общества вышли кадры работниковъ газеты „Военный Голосъ", офиціальнымъ редакторомъ которой былъ корнетъ Шнеуръ, впослѣдствіи, уже послѣ ликвидаціи революціи, вступившій въ ряды агентовъ департамента полиціи и принятый, послѣ октября мѣсяца 1917 г., въ лоно свое дѣлателями окрябрьской революціи, для руководства войсками во время похода большевиковъ на ставку главнокомандующаго и убійства и ~~изнасилованія~~ генерала Духонина. Фактическимъ редакторомъ этой прогрессивной военной газеты, закрытой впослѣдствіи въ административномъ порядкѣ, былъ коллективъ офицеровъ, настроенныхъ несомнѣнно революціонно. Въ этомъ меня убѣждаетъ не только личное знакомство со многими участниками этой работы, но и прочитанное недавно, уже въ Америкѣ, показаніе Шнеура.

Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ тамъ:

„Я могу съ большимъ основаніемъ сказать, что редакція „Военнаго Голоса" была прикосновенна къ революціонному движенію въ арміи. Въ концѣ концовъ, я от-

казался отъ обязанности редактора, и на мое мѣсто былъ избранъ секретарь редакціи, капитанъ, военный юристъ, уволенный за участіе въ революціи, Харбинскій"

Однимъ изъ типичныхъ образчиковъ безпартійнаго революціоннаго офицерства былъ покойный лейтенантъ Шмитъ, проявившій такой революціонный темпераментъ и пылъ въ 1905 году въ революціонномъ движеніи Черноморскаго флота.За свое выступленіе онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ на островѣ Березань, близъ Очакова, и могила его была сравнена съ землей. Только послѣ февральской революціи останки его были найдены и перевезены торжественно при всенародной манифестаціи въ Одессу.

А сколько офицеровъ принимало участіе въ революціонныхъ выступленіяхъ войскъ въ 1905—1906 году. Возстанія въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, Харьковѣ, Севастополѣ, Кіевѣ,—развѣ мы не видѣли, тамъ впереди вышедшихъ на улицу солдатъ, офицеровъ? Сколько угодно. Вспомнимъ подпоручика Жадановскаго, раненнаго въ Кіевѣ въ ноябрѣ 1905 года, затѣмъ спрятаннаго, разысканнаго жандармами и осужденнаго на каторгу, которую и отбывалъ онъ въ Шлиссельбургѣ до самой февральской революціи. Я могъ бы назвать цѣлый рядъ именъ, да не стоитъ пестрить списка.

Въ концѣ 1906 и началѣ 1907 года въ Москвѣ былъ созванъ съѣздъ офицеровъ, принадлежавшихъ и сочувствовавшихъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и тамъ организовался Военный Союзъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ печатнымъ органомъ „Народная Армія", издававшимся, конечно, нелегально. Въ этомъ союзѣ приняли участіе многіе офицеры, и большинство ихъ было арестовано въ дни ликвидаціи завоеваній революціи 1905 года и судимо и сослано въ разныя мѣста.

Въ союзъ входили офицеры разныхъ чиновъ и положеній. и во многихъ гарнизонахъ были ячейки этого союза.

Работѣ членовъ этого союза принадлежитъ цѣлый рядъ вооруженныхъ выступленій войскъ въ разныхъ частяхъ Россіи въ 1907 году, между прочимъ, выступленія въ связи съ роспускомъ 2-й Государственной Думы, 21-го сапернаго баталіона въ Кіевѣ и другихъ городахъ.

Многіе офицеры тогда поплатились. Кто былъ сосланъ въ Сибирь, на каторгу. кто высланъ административно, кто эмигрировалъ.

Такъ поплатились офицеры за участіе въ революціи 1905 года.

Ну, а революція 1917 года? Развѣ въ ней офицеры не принимали участія? Независимо отъ того восторга, съ которымъ русское офицерство приняло вѣсть о совершившемся переворотѣ, въ самомъ переворотѣ и дальше въ революціонной работѣ, многіе офицеры принимали горячее участіе.

Развѣ въ Совѣтахъ солдатскихъ депутатовъ разныхъ полковъ и гарнизоновъ избранные туда офицеры не были горячими сторонниками революціи и участниками строительной работы новой жизни? Были, и очень много такихъ, преданныхъ интересамъ народа, офицеровъ пришлось мнѣ встрѣтить, какъ во время моихъ поѣздокъ на фронтъ, такъ и во время повседневныхъ работъ въ Кіевѣ и Округѣ, сначала въ качествѣ Военнаго Комиссара Кіевскаго Исполнительнаго Комитета, а затѣмъ въ качествѣ Командующаго войсками округа.

Еще не время говорить объ этой работѣ. Еще не улеглись разбуженныя страсти; но придетъ время, жизнь войдетъ въ свое нормальное русло, и безпристрастный судъ исторіи отведетъ достойное мѣсто офицерамъ въ настоящей революціи, которая застала офицерство и армію въ самый трудный моментъ жизни: веденія войны

противъ хорошо организованнаго и еще лучше подготовленнаго противника. И въ это время, влекомые чувствомъ долга, съ одной стороны, и отталкиваемые постоянными подозрѣніями — съ другой, они исполняли свои тяжелыя обязанности, за что поплатились жестокой расправой, совершенной надъ ними толпами солдатъ, подстрекаемыхъ тѣми, кто, играя на невѣжествѣ и не слишкомъ высокаго качества страстяхъ, раздувалъ чувства вражды и уничтоженія, вмѣсто того, чтобы сѣять зерна любви и созиданія.

Званіе „контр-революціонеровъ" часто примѣнялось въ отношеніи офицеровъ вообще, и этимъ званіемъ постоянно злоупотребляли. Слишкомъ рано началась эта травля, но, конечно, никогда она не доходила до такой степени, какъ въ пору послѣ октябрьскаго переворота.

Чтобы показать, какъ настойчиво и какими пріемами велась эта агитація противъ офицеровъ, какъ таковыхъ, я позволю себѣ привести только одну изъ сценокъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ самые первые дни февральской революціи.

Дѣло было въ Черновицахъ.

Я пріѣхалъ туда въ первой половинѣ апрѣля минувшаго (1917-го) года, и въ тотъ же день изъ бесѣды съ членами Исполнительнаго Комитета Черновицкаго гарнизона выяснилось, что въ гарнизонѣ происходятъ серіозныя тренія. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта солдатскихъ депутатовъ, представленнымъ двумя врачами, однимъ военнымъ чиновникомъ, однимъ солдатомъ и однимъ служащимъ городского Союза, группа офицеровъ попыталась организовать Офицерскій Союзъ, или, правильнѣе говоря, „Союзъ офицеровъ, чиновниковъ, врачей и священниковъ VIII арміи", и этотъ союзъ встрѣтилъ горячій протестъ со стороны гарнизоннаго Исполнительнаго Комитета.

Меня заранѣе, авансомъ, посвятили въ то, что это „черносотенная" затѣя, которой во что бы то ни стало надо положить конецъ.

Считая организацію въ данное острое время отдѣльныхъ офицерскихъ союзовъ дѣломъ нетактичнымъ и находя, что таковые союзы организовывать на первыхъ порахъ не слѣдовало, я, тѣмъ не менѣе, ничего опаснаго для дѣла революціи въ нихъ не видалъ, и посему, до знакомства съ работой союза, его дѣятелями и хотя бы программой, сказать ничего не могъ.

На счастье, въ дни моего пребыванія въ Черновицахъ, — я задержался тамъ нѣсколько дней, — состоялось собраніе этого союза, и на таковое меня пригласили.

Члены Исполнительнаго Комитета, знакомившіе меня съ союзомъ, говорили мнѣ, что союзъ этотъ опасенъ и что нужно съ особенной осторожностью отнестись къ нему и его дѣятельности: „Было у нихъ два собранія, и оба они закрыты. Это особенно возмущаетъ и вызываетъ негодованіе солдатъ. Вѣдь, тутъ дѣло пахнетъ контръ-революціей". И слово „контръ-революція" склонялось во всѣхъ падежахъ въ примѣненіи къ этому союзу.

Въ назначенный часъ я былъ въ городскомъ театрѣ, гдѣ назначено было собраніе. Когда я вошелъ въ залъ, театръ былъ уже полонъ. Весь партеръ, всѣ ложи, всѣ мѣста были заполнены, и не только офицеры и солдаты были въ театрѣ, но я видѣлъ въ ложахъ много дамъ и рабочихъ, такъ что представленіе о тайныхъ собраніяхъ и какой-то сугубой конспираціи сразу у меня разсѣялось.

Какъ представитель Временной революціонной власти, я удостоился особо горячей оваціи, когда предсѣдатель представилъ меня собранію, какъ военнаго комиссара. Но это — между прочимъ. Я упомянулъ объ этомъ, чтобы показать, что общее настроеніе всѣхъ собравшихся сходилось на томъ, что Временное Правительство и

его агенты заслуживаютъ довѣрія и вниманія, что все правительство ведетъ народъ по пути къ свободѣ.

Началось собраніе.

Первымъ говорилъ предсѣдатель: онъ изложилъ въ общихъ чертахъ программу союза, ничего опаснаго для дѣла свободы не представлявшую. Рѣчь эта была покрыта громкими аплодисментами, и ясно было, что въ массѣ никакого серіознаго предубѣжденія противъ этой организаціи нѣтъ.

Но вотъ, выходитъ на сцену одинъ изъ врачей — членовъ Исполнительнаго Комитета, — его имя я встрѣчалъ потомъ, въ дни созыва Учредительнаго Собранія, въ ряду членовъ, стоявшихъ на большевистской точкѣ зрѣнія, — и истерически выкрикиваетъ свою рѣчь, въ которой доказываетъ, что существованіе отдѣльнаго офицерскаго союза рядомъ съ Совѣтомъ Солдатскихъ депутатовъ опасно для дѣла революціи; что здѣсь солдатамъ не позволяютъ говорить и что вообще все это—опасная затѣя, противъ которой нужно бороться всѣми способами.

„Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ нашимъ Исполнительнымъ Комитетомъ дѣйствовалъ какой-нибудь другой органъ. Союзъ офицеровъ, врачей, чиновниковъ и священниковъ.... Что это — профессіональный союзъ, что-ли? Но, нѣтъ! Какіе общіе профессіональные интересы могутъ имѣть врачи и офицеры, священники и чиновники? Ясно, что союз устраивается для особыхъ, спеціальныхъ цѣлей“.

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ.

Ясно, что аудиторія, падкая вообще на громкіе выкрики, восприняла эти слова со всей свойственной наэлектризованной толпѣ энергіей, и послѣ грома аплодисментовъ, которыми покрыта была рѣчь этого молодого неврастеника, раздались крики:

„Товарищи, пойдемъ! Намъ нечего здѣсь дѣлать!

Пусть они сами безъ насъ дѣлаютъ свое темное дѣло!"

И во многихъ ложахъ публика встала и собиралась уже демонстративно уходить.

Надо было спасать положеніе. Надо было возстановить необходимое равновѣсіе во избѣжаніе возможныхъ эксцессовъ.

И я попросилъ слово.

Любопытство послушать невѣдомаго еще оратора, къ тому же являющагося въ настоящее время представителемъ революціонной власти, а слѣдовательно пользующагося извѣстнымъ въ данное время авторитетомъ, остановило толпу и всѣ заняли свои мѣста и успокоились.

Я бросилъ нѣсколько словъ объ общихъ основахъ свободы союзовъ, собраній и слова, о необходимости уважать чужое мнѣніе, разъ оно искренне, какъ бы оно ни расходилось съ нашимъ, и въ самыхъ общихъ формахъ очертилъ нарушеніе этихъ элементарныхъ правъ такимъ демонстративно враждебнымъ отношеніемъ къ организаціи, только что сложившейся и еще не опредѣлившей ни своихъ путей, ни своихъ дѣйствій. Я старался быть понятнымъ и краткимъ, и такъ закончилъ свое слово:

„Товарищи! Здѣсь говорили очень много о томъ, что настоящій офицерскій союзъ работаетъ тайно отъ солдатъ и потому опасенъ. Но я вижу здѣсь не только офицеровъ, но и солдатъ, и я увѣренъ, что не только ничего отъ солдатъ здѣсь не скрываютъ, но если товарищи-солдаты, присутствующіе здѣсь, захотятъ взять слово, то имъ дадутъ и выслушаютъ, какъ равный равнаго. Такъ зачѣмъ же оставлять собраніе, зачѣмъ уходить? Нѣтъ, нужно остаться, выслушать, узнать, что здѣсь дѣлается, нужно сказать и свое, солдатское слово, на этомъ общемъ публичномъ собраніи. И я увѣренъ, вы здѣсь останетесь и скажете свое слово. Вы не уйдете!"

Конечно, громъ апплодисментовъ былъ отвѣтомъ на

мою скромную рѣчь (легко давались онѣ въ то свѣтлое время!), и всѣ остались и приняли участіе въ дебатахъ.

Я взялъ на себя много, конечно, предложивъ и солдатамъ участвовать въ дебатахъ: я на это не былъ никѣмъ уполномоченъ. Но надо было спасать положеніе, и конечно, президіумъ немедленно же поддержалъ меня и предсѣдатель предложилъ записываться и солдатамъ.

Начались дебаты.

Однимъ изъ ораторовъ былъ солдатъ царскосельской автомобильной роты, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ переворота въ Петроградѣ, какъ онъ отрекомендовалъ себя. Онъ тоже взялъ демагогическій тонъ и проводилъ рѣзкую черту между офицерами и солдатами, относя первыхъ къ контръ-революціонерамъ. Для вящей убѣдительности, онъ вспомнилъ давніе годы, когда ему, еще въ 1906 году, въ началѣ его солдатской службы, пришлось выступать противъ крестьянъ и дѣйствовать по приказу офицеровъ противъ народа.

Ясное дѣло, что это вызвало взрывъ негодованія.

Мнѣ пришлось отвѣтить этому оратору краткой исторической справкой за минувшее столѣтіе, — начиная отъ декабристовъ и кончая послѣдними днями, — объ участіи офицеровъ въ революціонномъ движеніи и о принесенныхъ ими жертвахъ. Желая использовать выступленіе этого солдата для примирительныхъ тоновъ, я задалъ ему такой вопросъ:

„Товарищъ-автомобилистъ сказалъ, что онъ долженъ былъ ходить на усмиреніе крестьянъ. Я прошу его тутъ же сказать: Стрѣлялъ-ли онъ въ своихъ братьевъ-крестьянъ или не стрѣлялъ?"

Нѣсколько смущенный вышелъ онъ и, не отвѣчая прямо на вопросъ, повелъ рѣчь о томъ, что солдатъ на службѣ оболваниваютъ, что они дѣлаютъ то, что имъ прикажутъ, и отъ прямого отвѣта уклонился.

Но я не отступалъ.

„Я прошу сказать товарища, стрѣлялъ ли онъ въ крестьянъ или не стрѣлялъ?" — настаивалъ я на своемъ.

„Что за вопросъ? Зачѣмъ такіе вопросы? Это провокація"! — раздались негодующіе возгласы, и атмосфера накалялась.

„Я прошу товарища дать мнѣ отвѣтъ, и я тогда объясню", — со всѣмъ возможнымъ спокойствіемъ заявилъ я.

Солдатъ-автомобилистъ вышелъ, и, сконфуженный, потупясь долу, едва внятно произнесъ:

„Да, я стрѣлялъ.. Но, вѣдь, мнѣ приказывали!" — прибавилъ онъ въ оправданіе.

Мнѣ только это и было нужно.

Я взялъ слово и въ горячей рѣчи объяснилъ, что значитъ прожитое время.

„Всего десять лѣтъ тому назадъ нашъ товарищъ, по приказу начальства, самъ стрѣлялъ въ своихъ братьевъ-крестьянъ и рабочихъ, когда тѣ выходили на защиту своихъ правъ, и у него не хватало смѣлости отказаться и сказать: дѣлайте со мной, что хотите, а стрѣлять въ своихъ обездоленныхъ братьевъ я не буду". Всего десять лѣтъ тому назадъ онъ былъ покорнымъ рабомъ, а вотъ теперь мы видимъ его на верхахъ революціи, и онъ съ ружьемъ въ рукахъ выступилъ не противъ крестьянъ и рабочихъ, а рядомъ съ ними на завоеваніе имъ свободы и правъ, земли и воли. Вотъ что сдѣлали съ нимъ десять лѣтъ! Такъ неужели же вы, товарищи, думаете, что эти десять лѣтъ угнетенія и рабства прошли безслѣдно для всѣхъ, кромѣ него? И ничего удивительнаго, что теперь въ рядахъ борцовъ за свободу найдутся тѣ, кто десять лѣтъ тому назадъ приказывали вамъ стрѣлять въ народъ. Будемъ вѣрить людямъ и будемъ считать ихъ хорошими, пока они не доказали противнаго. И если вы сохраните

эту вѣру въ людей до сѣдыхъ волосъ, какъ сохранилъ ее я, лучше будетъ жить всѣмъ. Довольно взаимныхъ подозрѣній! Будемъ жить и работать вмѣстѣ. и тогда всѣ будемъ стоять на защитѣ свободы!")

Я кончилъ. Атмосфера разрѣдилась. Негодующихъ возгласовъ слышно не было, и собраніе смогло перейти болѣе спокойно къ дѣловой работѣ.

Это было въ то время, когда такъ легко было простымъ искреннимъ словомъ предотвращать очень крупныя и серіозныя столкновенія.

Не то теперь.

Мнѣ вспоминается одинъ фактъ.

Когда былъ арестованъ кружокъ Петрашевскаго, ему хотѣли придать характеръ заговора противъ императора Николая I, и въ такомъ видѣ представили все дѣло царю. Онъ выслушалъ докладъ и сказалъ двумъ присутствовавшимъ тутъ членамъ Государственнаго Совѣта:

„Слѣдствіе выяснитъ все. Только не нужно полагаться на показанія полиціи и шпіоновъ, ибо продающій на деньги свою совѣсть, способенъ на всякое предательство".

Такъ отвѣтилъ императоръ Николай I, на докладъ объ арестѣ членовъ организаціи, подозрѣвавшейся въ покушеніи на него самого.

А вѣдь, Николай I былъ изъ такихъ людей, которые умѣли жестоко расправляться со своими противниками. И это свое умѣнье онъ доказалъ расправой съ декабристами. Но всетаки у него хватило такта, чтобы предостеречь о необходимости осторожнаго отношенія къ обвиненіямъ, въ особенности, если они основаны на показаніяхъ только шпіоновъ.

И именно этого чутья, которое нашлось у такого завзятаго самодержца, какимъ былъ Николай I, не оказывается у нынѣшнихъ управляющихъ Россіей. только

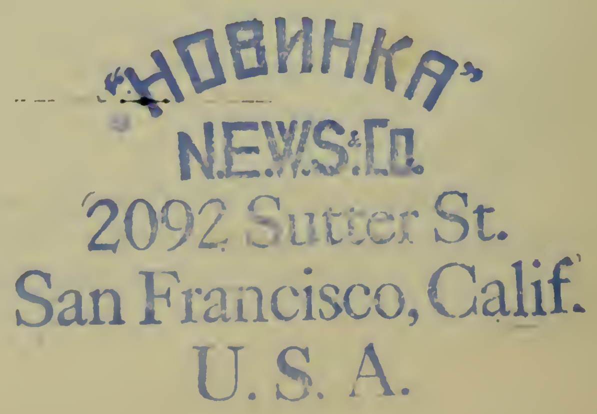
и умѣющихъ дѣлать, что натравливать массы на своихъ политическихъ противниковъ и расправляться съ ними самымъ жестокимъ образомъ, отнюдь безъ изслѣдованія подлинности ихъ вины противъ страны и народа· Достаточно кому-нибудь крикнуть слово „контръ-революціонеръ" и указать перстомъ, какъ появляются люди, которые готовы растерзать его и не только готовы, но и дѣлаютъ это по одному намеку.

И въ такомъ положеніи избиваемыхъ контръ-революціонеровъ оказались въ настоящее время офицеры, которыхъ всѣхъ безъ исключенія, только потому, что они офицеры, зачислили въ контръ-революціонеры и жестокимъ образомъ избивали и продолжаютъ избивать.

Настоящія бѣглыя замѣтки, лишь въ краткихъ и сжатыхъ чертахъ изображающія участіе офицеровъ въ революціи, позволяютъ мнѣ сказать, что русскіе офицеры не только принимали участіе въ революціонной борьбѣ противъ самодержавія, но заняли въ ней достойное мѣсто, не уступая другимъ группамъ населенія, и поэтому офицеры въ массѣ своей не заслуживаютъ огульнаго обвиненія въ контръ-революціонности. Они такъ же, какъ всѣ граждане, выдѣлили изъ своей среды многихъ достойныхъ сыновъ, которые въ борьбѣ съ самодержавіемъ, во имя беззавѣтной любви къ своему народу, принесли тяжелыя жертвы и могутъ быть причислены къ мученикам революціи.

Августъ 1918 г.

Нью Іоркъ.

НА КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ПЕРВАГО РУССКАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ВЪ АМЕРИКѢ

поступила въ продажу книга

М. Е. ВИЛЬЧУРА

ВЪ АМЕРИКАНСКОМЪ ГОРНИЛѢ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МЫТАРСТВА
РУССКАГО ВЪ АМЕРИКѢ.

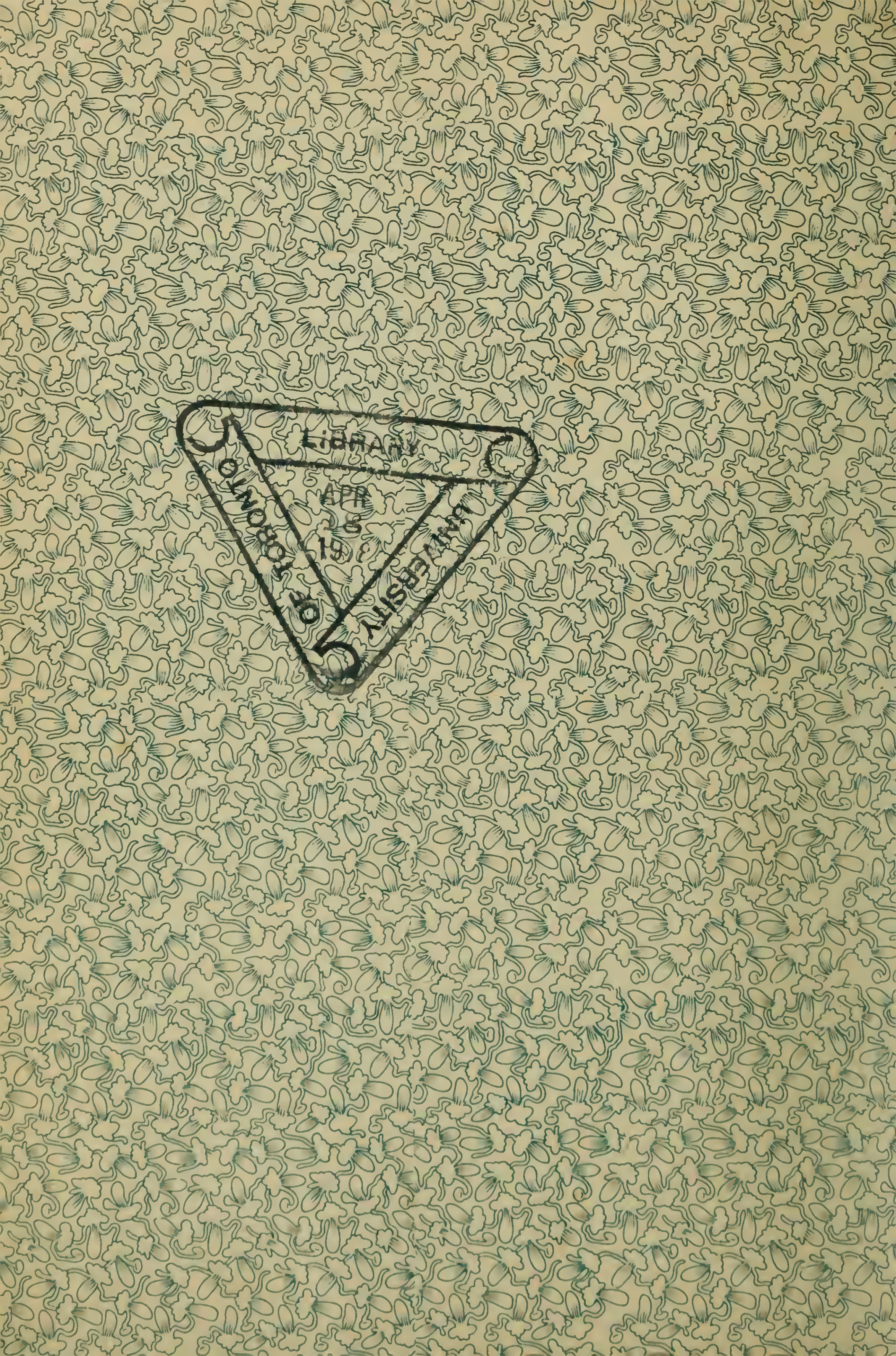
Книга, заключающая около ста страницъ, представляетъ большой интересъ для каждаго русскаго въ Америкѣ.

ЦѢНА 25 СЕНТОВЪ.
съ пересылкой 30 сент.

Заказы адресовать:

"THE FIRST
RUSSIAN PUBLISHING CORPORATION
IN AMERICA".

31 East 7th Street, New York City.

LIBRARY
UNIVERSITY
OF TORONTO
APR